

— Что ты так рано делаешь дома? — спросила мать, когда я вошел в квартиру, все еще задыхаясь от быстрого бега.

— Был день профессий в школе, поэтому всех рано отпустили, — солгал я, поднимая брови.

— Старчайлд, — отчитала она меня, — Все, что я могу сделать, это скрыть тебя. Чем больше ты действуешь, тем больше внимания ты привлекаешь к себе, и тем труднее будет для нас обоих. Иди, получи домашнее задание - тебе уже слишком поздно возвращаться в школу, но я не могу видеть, как твой ум пропадает.

Затем она повернулась к раковине и продолжила мыть посуду, покачав головой. Вытерев пот, я вернулся на кухню, открыл книги на столе, усевшись рядом с окном, где струится солнечный свет. Поставив указательный палец на линию под большим пальцем, я щелкнул ногтем по коже, сосредоточившись так, как я себе представлял, потянув пространство из этой области и мысленно завязывая его узлом. Затем в моей ладони образовался черный шар и начал поглощать солнечный свет, увеличиваясь чуть ли не с каждой минутой.

В то время в нашей квартире было тихо, за исключением звона посуды. Я нырнул в книгу, тренируясь в решении математических уравнений для викторины, которая будет на следующий день. Воздух был неподвижен, кондиционер то ли отключился, то ли сломался, чтобы сэкономить деньги, так как каждую неделю он, казалось, выбирал то одно, то другое. Иногда я слышал, как моя мать напевала мелодию, когда двигалась, ту, которую я узнал, но не смог определить, она то усиливалась, то затухала в моем восприятии.

Но затем три стука в дверь чуть не выдернули меня из моего места.

Это были не соседские удары, как те, когда мать Стефана приходила, чтобы занять соль, и не те напряженные удары, как когда наш арендодатель приходил, чтобы собрать арендную плату, и моя мама посылала меня в набег на подушки дивана за мелкими деньгами, в то время как она вытаскивала последний доллар.

Нет, это были резкие, быстрые стуки, стаккато-всплески, которые не ждали, когда моя мать дойдет до двери, чтобы открыть ее.

— Полиция, — заявил мужчина с квадратным лицом, стоящий во главе трио, когда вошел в без приглашения, с молодым человеком слева от него и женщиной средних лет справа от него, — Мы ищем мисс Алькмен, вы ее знаете?

— Говоря об этом, — сказала мама и улыбнулась, — Могу я спросить, почему вы вошли в мою кухню, и могу ли я предложить вам лимонад?

Меня словно холодной водой окатило и перехватило дыхание, когда пришедшее трио косо посмотрело на мою мать. Как-то они узнали, как-то они нашли меня, подсматривающим за академией. Но как? Что Ариэль могла сказать им, чтобы вернуть меня. Я думал, что был осторожен, но этого, как оказалось, было недостаточно.

Я смотрел, как главный полицейский осматривал кухню, как его глаза скользят по мне, как морщины моей матери углубляются, а вена пульсирует у нее на виске, но ей все же удалось улыбнуться.

— Да, ты живешь одна? Хорошо, — сказал он, вытащив стопку бумаг и что-то сверив, — Вы г-жа Алькмен, которая служила медсестрой доставки, и имеете силы Уравнителя, правильно?

— Да, да, - ответила мама, вытирая посуду, - Слабая форма сил, ничего не такого.

— Ничего такого, - пришел ответ, - Если я помню, это и есть цель Уравнителя. Здесь написано, что вы считаетесь одним из сильных Уравнителей, а это что то да значит. Независимо от этого, ваши уникальные услуги требуются государству, г-жа Алькмен. Вы пойдете с нами сразу. Мы видели, что ваша арендная плата оплачена, нужные вам вещи будут перевезены. Пойдемте.

— А если я не пойду? - Спросила она, откидываясь на стойку, - Я уже раньше служила государству.

— Госпожа», - сказал он, когда женщина позади него потянулась к наручникам на поясе, - Не заставляйте нас превращать эту просьбу в предписание.

— Что? - закричал я, ударив кулаком по столу, - Вы не можете этого сделать!

На шее моей матери поблескивала бусинка пота, а мышцы вокруг ее улыбки сжались. На какую-то секунду бровь ведущего офицера изогнулась, и он снова посмотрел на нее с раздражением, слегка наклонив голову.

— Госпожа, нет времени препираться, и я предлагаю вам проявить к нам уважение в доказательство ваших слов. Вы идете по собственному желанию?

— Черт побери, нет! - крикнул я, поднимаясь со стола, а вена на шее моей матери выглядела так, будто она вот-вот разорвется, и она закричала, а ее голос заполнился напряжением. Ее лицо было обращено к полицейскому, но ее голос - ко мне.

— Заткнитесь и уходите! Вы должны мне за это!

Я застыл, наблюдая, как офицер ударил мою мать дважды по челюсти обратной стороной руки в перчатке, сбив ее прямо к шкафу.

— Государство тебе ничего не должно, - прошипел он, когда женщина повернула мою мать, чтобы застегнуть наручники у нее за спиной, заставив ее лицо встретиться с моим, когда она была прижата к шкафу.

"Уходи", - беззвучно одними губами. Ее глаза умоляли. Ее губы кровоточили. Я чувствовал, что готов приложить силу мощнее, чем когда-либо раньше, чтобы раздавить всех офицеров вместе, пока мы убежим. Но ее глаза увлажнились, и она еще раз прошептала, когда они уже начали оттаскивать ее. И я оказался парализованным ее приказом.

«Нет, уходи».

Полиция открыла дверь, и я наблюдал, как они сели в машину без окон. Я услышал последние слова офицера, и я запомнил его лицо, как раз перед отъездом машины.

«Мы нашли для вас гораздо лучшее применение, чем горничная, мисс Алькмен. И я предлагаю вам сотрудничать. Вы все еще близки к Особенным, чтобы считаться Обычной, и у меня есть свидетели того, что вы начали драку. В этих обстоятельствах несчастный случай со смертельным исходом был бы поддержан в суде, действующем по нормам общего права.